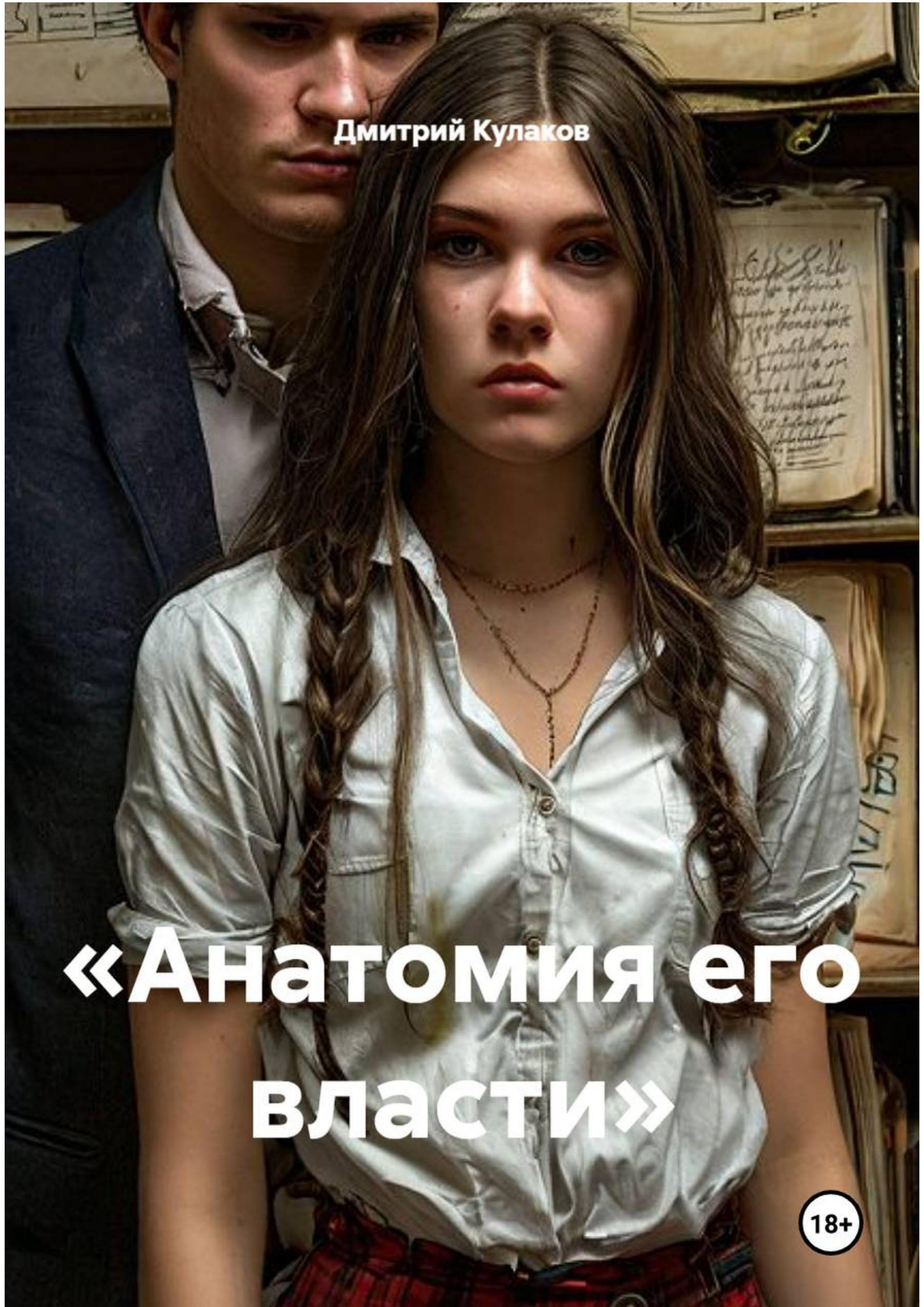

A movie poster featuring a young man and woman in a library setting. The man, on the left, is wearing a dark blue blazer over a light-colored shirt and has a serious expression. The woman, in the center, has long brown hair styled in two braids, wears a light blue button-down shirt, and a necklace. She has a somber expression. The background is filled with bookshelves containing various books and documents. The title is written in large white Cyrillic letters at the bottom, and a rating icon is in the bottom right corner.

Дмитрий Кулаков

«Анатомия его власти»

18+

Дмитрий Кулаков

«Анатомия его власти»

«Автор»

2026

Кулаков Д.

«Анатомия его власти» / Д. Кулаков — «Автор», 2026

«Анатомия? Нет, детка. Сегодня мы изучаем твою покорность». Восемнадцать лет. Девственность только на бумаге. Оля привыкла препарировать чувства скальпелем науки, пока не попала на кафедру к Владимиру Владимировичу. Его методички написаны кровью, а вместо оценок он ставит синяки. Он лишил её белья, имени и страха, оставив лишь одно правило: «Стоп-слова нет». Это история о том, как умная девочка добровольно стала вещью самого опасного хищника в университете. Здесь нет места любви. Только власть, грязный секс в аудиториях после пар и болезненная зависимость, где высшей точкой блаженства является приказ «На колени». Осторожно: Максимальный уровень жесткости. Присутствуют порка, сенсорная депривация, публичное унижение и абсолютное доминирование.

© Кулаков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Анатомия ошибки	5
Глава 2. Дисциплинарный протокол	7
Глава 3. Библиотека редких изданий	10
Глава 4. Теория привязанности	13
Глава 5. Кабинетная практика	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

«Анатомия его власти»

Глава 1. Анатомия ошибки

Аудитория номер триста четыре пахла старым деревом, мелом и едва уловимой озоновой свежестью от недавно выключенного проектора. За высокими окнами сентябрьский дождь смывал с московских улиц остатки бабьего лета, превращая асфальт в черное зеркало. Оля Владимировна сидела за первой партой, скрестив ноги так изящно, словно пыталась сдать по ним отдельный экзамен на отлично. На ней была идеально белая блузка, застегнутая под самое горло — дань уважения статусу преподавателя, а не попытка скрыть что-то лишнее. В ее восемнадцать лет она знала о человеческом теле всё. Ну, или почти всё. На столе перед ней лежал открытый конспект. Ровным каллиграфическим почерком там было выведено: «Тема: Физиологический триггер выброса окситоцина при тактильном контакте». Оля могла с закрытыми глазами нарисовать карту эрогенных зон, объяснить биохимию женского оргазма через призму работы гипоталамуса и перечислить семь видов мужской эрекции согласно классификации профессора Штерна. Но сейчас она смотрела на пустой стул напротив и чувствовала себя абсолютной дурой. Дверь аудитории открылась без стука. От сквозняка страницы конспекта затрепетали, как крылья испуганного мотылька. Владимир Владимирович вошел стремительно. Он был из тех мужчин, чей возраст невозможно определить точно: ему могло быть и тридцать пять, и все сорок пять. Дорогой темно-серый костюм сидел на нем безупречно, скрывая широкие плечи, но лишь подчеркивая узкие бедра. Его движения были плавными, хищными, экономными. Он молча прошел к своему столу, положил кожаную папку и только потом поднял глаза на студентку. Взгляд у него был тяжелый, цвета мокрого асфальта, лишенный всякого академического снисхождения. — Опаздываете на собственную пересдачу, Владимир Владимирович, — сказала Оля, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она закинула ногу на ногу еще раз, чуть медленнее, чем требовала ситуация. Демонстрация уверенности. Базовый прием невербального доминирования. По учебнику. — Я задержался, Ольга, — он обошел стол и присел на его край, прямо рядом с проектором. Слишком близко для студента и преподавателя. — Деканат решил, что мне нужно подписать сто сорок ведомостей. А вы решили соблазнить меня анатомией? Оля вспыхнула, но постаралась сохранить лицо. — Это тема моей курсовой. «Психосоматические реакции партнера при инициации первого поцелуя». Там отличная база физиологии. Я описала работу лицевых мышц, приток крови к губам, химический состав слюны. Владимир Владимирович медленно снял очки в тонкой металлической оправе. Положил их на папку. Звук соприкосновения дорогого пластика и кожи показался в тишине аудитории оглушительным. — Вы описали механику трактора, пытаясь объяснить поэзию полета бабочки, — произнес он тихо. — Первый поцелуй, Оля, это не работа лицевых мышц. Это момент абсолютной уязвимости. Когда два человека сокращают дистанцию до критической отметки в пятнадцать сантиметров, мозг перестает сканировать пространство на предмет опасности и начинает считывать феромоны. Если химия совпадает, миндалевидное тело отключает инстинкт самосохранения. Вы пишете об этом? — Я написала о работе миндалевидного тела — пробормотала она, опуская взгляд на свои колени. Ее стратегия рассыпалась. Весь прошлый семестр она строила между ними стену из терминов, латинских названий и сухой науки, надеясь, что эта броня сделает ее неуязвимой перед его вниманием. Но стена оказалась стеклянной. — Вы боитесь людей, — вдруг сказал Владимир Владимирович, наклоняясь вперед. Тяжелые капли дождя ударили по стеклу с новой силой. — Вы прячетесь за латынью, потому что психология любви требует эмпатии. А эмпатия требует впустить другого человека внутрь. Вы же пытаетесь препарировать чувства скальпелем. Так нельзя изучать страсть. — Тогда научите меня! — выпалила Оля и тут же прикусила язык. Это прозвучало слишком отчаянно. Владимир Влади-

мирович усмехнулся краешком губ. Эта усмешка сделала его лицо опасным. Он встал со стола и сделал шаг к ней. Оля замерла. Между ними оставалось метра полтора пустого пространства, заваленного запахом озона и старого мела.—Хорошо, — сказал он. — Раз уж мы говорим об инициации. Практическая часть вашего экзамена. Покажите мне, как работает ваша теория.— Что? — выдохнула она.— Поцелуйте меня, — просто ответил он. — Примените ваши знания. Рассчитайте угол наклона головы, чтобы наши носы не столкнулись. Синхронизируйте дыхание. Активируйте нужные рецепторы. Докажите, что любовь — это просто удачно сложившаяся формула химических элементов.Сердце Оли пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Кровь зашумела в ушах, заглушая шум дождя. Все лекции по биохимии мгновенно вылетели из головы. Осталось только пульсирующее желание и липкий, парализующий страх. Она встала. Ноги казались ватными. Сделала шаг. Сокращение дистанции. Пятнадцать сантиметров. Десять. Она привсталала на цыпочки, потянулась к нему. Владимир Владимирович не двигался, позволяя ей совершить ошибку. Позволяя ей самой сократить эту последнюю границу. Ее ладони легли на лацканы его пиджака. Шерсть была теплой, нагретой теплом его тела. Оля зажмурилась, наклонила голову вправо, вспомнив схему оптимального смыкания губ, и коснулась его рта своими. Это длилось секунду. Сухое, аккуратное касание. Идеальное с точки зрения биомеханики.Она открыла глаза, ожидая увидеть на его лице одобрение преподавателя. Но Владимир Владимирович смотрел на нее сверху вниз с ледяной яростью. Его рука жестко, почти больно сжала ее подбородок, фиксируя голову. — Формула верная, — прошипел он ей прямо в губы, не давая отстраниться. — Техника идеальная. Студентка Оля получает свой высший балл. Только вот одна проблема, моя маленькая исследовательница. У трахеи нет нервных окончаний, отвечающих за наслаждение. И когда ты целуешь того, кого хочешь до темноты в глазах, тебе должно быть плевать на положение подъязычной кости. Тебе должно быть страшно потерять равновесие.Его вторая рука легла ей на затылок, пальцы зарылись в волосы, удерживая мертвой хваткой. Он резко дернул ее на себя, ломая всю ее ученическую геометрию. Их тела столкнулись. Твердая плоскость его груди впечаталась в ее грудь, выбивая воздух из легких. — А теперь давай попробуем снова, — прорычал Владимир Владимирович, прежде чем закрыть ее рот своим. В этот раз никакого скальпеля. Никакой анатомии. Только падение. Губы оказались жесткими, требовательными, горячими. Он пил ее дыхание, кусал нижнюю губу, заставляя Олю тихо всхлипнуть от смеси боли и острого, пронзительного удовольствия. Мир сузился до этого кабинета, запаха его парфюма и вкуса корицы на языке. Миндальное тело окончательно сдалось, отключив последние предохранители. Инстинкт самосохранения капитулировал. Где-то далеко, за окном, продолжал равнодушно лить московский дождь, но Оля Владимировна больше его не слышала. Первая глава ее взрослой жизни только что началась, и писать ее сухим научным языком было уже поздно.

Глава 2. Дисциплинарный протокол

Воздух в аудитории триста четыре загустел, превратившись в плотный кисель. Оля тяжело дышала, опираясь ладонями о край преподавательского стола из красного дерева. Дерево было холодным и твердым — разительный контраст с тем пожаром, который Владимир Владимирович только что развел на ее губах. Она медленно облизнула нижнюю губу. На языке остался привкус мела, дорогого табака и чего-то неуловимо пряного, принадлежавшего исключительно ему. Голова кружилась так сильно, словно он перекрыл ей доступ кислорода минут на десять, а не поцеловал. — Удовлетворительно, — его голос прозвучал над самым ухом. Оля вздрогнула и резко обернулась. Владимир Владимирович стоял вплотную. Он больше не держал ее за затылок, руки были сцеплены в замок за спиной, но от этого казался еще массивнее, нависая над ней темной, опасной скалой. Его дыхание было абсолютно ровным. Идеальный пульс хищника после удачного броска. — Это был высший балл? — хрипло спросила она, пытаясь вернуть себе академический тон. Ее собственная блузка внезапно стала тесной, воротник сдавливал шею. — Нет, — отрезал он. — Высший балл ставится за самостоятельное исследование. А ты сейчас просто реагировала на раздражитель. Рефлекторное сокращение мышц, выброс адреналина, расширение зрачков. Твоя курсовая работа осталась лежать на первой парте, Ольга. Ты же выпала из нее. Он сделал шаг назад, разрывая дистанцию. Пространство между ними снова наполнилось озоном и дождем, но теперь этот воздух казался ледяным. Оля почувствовала укол острого, почти детского разочарования. Ей хотелось продолжения, хотелось прижаться к нему снова, чтобы стереть эту проклятую профессиональную отстраненность. — Я я растерялась, — соврала она, поправляя съехавший набок белый воротничок. Пальцы предательски дрожали. — Вы нарушили методичку. В учебном плане нет пункта о внезапном физическом контакте без предварительного согласия сторон. Владимир Владимирович тихо рассмеялся. Смех был сухим, лишенным всякого веселья. — Методички пишут для тех, кто боится замочить ноги, входя в реку, — сказал он, обходя стол и садясь в свое кресло. Он достал из ящика чистый бланк ведомости и дорогую перьевую ручку. — Садись. Практическая часть окончена. Переходим к административной. Оля сглотнула вязкую слюну и вернулась за первую парту. Ноги все еще плохо слушались. Она села прямо, сложив руки перед собой, как примерная школьница, хотя внутри у нее бушевала буря. Он начал заполнять ведомость, не поднимая глаз. Скрип пера по плотной бумаге действовал на нервы сильнее любого крика. — Специальность «Анатомия любви и страсти», первый курс, — монотонно проговорил Владимир Владимирович. — Предмет: психология сексуального взаимодействия. Студентка демонстрирует блестящие знания топографии эрогенных зон. Карта точек А, В и U выучена идеально. Теория рефрактерных периодов освоена на пять. Вопрос один: почему при наличии такой идеальной карты ты заблудилась в собственном теле? Ручка замерла. Он поднял взгляд. Серые глаза смотрели изучающе, препарируя ее уверенность слой за слоем. — Я не заблудилась, — огрызнулась Оля, чувствуя, как краска заливает скулы. — Просто ваши методы обучения выходят за рамки этического кодекса колледжа. Если я подам жалобу — Подавай, — легко согласился он, продолжая писать. — Раздел «Психологическая ломка защитных механизмов». Оценка — отлично. Знаешь, что самое смешное? Девушка, которая написала лучшую работу в потоке о мужской эрекции, краснеет до корней волос от одного крепкого поцелуя. Почему, Оля? Вопрос ударил точно в цель. Потому что знать теорию и чувствовать реальность — это разные вселенные. Знать анатомию можно лежа на секционном столе с холодной сталью скальпеля в руке. Но любовь нельзя вскрыть. От прикосновения Владимира Владимировича ее собственное тело перестало быть объектом изучения и стало субъектом — живым, испуганным и жаждущим. — Мне восемнадцать, — глухо ответила она. — У меня мало практического опыта. — Дело не в опыте, — Владимир Владимирович отложил ручку. Ведомость была под-

писана жирным, размашистым росчерком. Зачет получен. Пути к отступлению отрезаны. — Дело в контроле. Ты привыкла управлять процессом. Ты хочешь изучать страсть через микроскоп, потому что тогда она безопасна. Она лежит на предметном стекле, и ты выше ее. Но настоящая близость требует потери контроля. Тебе нужно научиться отдавать власть, девочка. Иначе твой единственный оргазм в жизни будет симуляцией, рассчитанной по формуле. Он встал, подошел к окну и распахнул форточку. В аудиторию ворвался влажный осенний ветер, разметав листы конспекта на первой парте. Оля дернулась было их собрать, но он остановил ее жестом. — Оставь. Анатомия мертвой хватки нам сегодня больше не понадобится, — произнес он, глядя на мокрые крыши Москвы. — С сегодняшнего дня твоя программа меняется. — Что значит — меняется? — насторожилась Оля. — Завтра лекционный день? — спросил он, не оборачиваясь. — Да. Третья пара. Общая психология привязанности. — Пропустишь, — бросил Владимир Владимирович. — Будешь ждать меня в западном крыле. Библиотека редких изданий. Третий стеллаж, четвертый ряд. Принесешь свою курсовую. Мы будем работать индивидуально. — Индивидуально? — сердце Оли пропустило такт. — Над чем? Он наконец повернулся от окна. Дождь усилился, капли стекали по стеклу, искажая мир снаружи. — Над твоим главным пробелом в образовании. Психологией подчинения. Ты будешь учиться слушать не свой разум, а свои инстинкты. И если завтра на лекции по привязанности ты посмеешь поднять руку или открыть рот, чтобы ответить вместо кого-то другого, я поставлю тебе неуд по основному предмету. И поверь, пересдавать его придется уже декану. Ты меня поняла? Его голос звучал низко, вибрирующе. Это был приказ, завернутый в бархат угрозы. Формально он оставался преподавателем, ставящим условия отработки долга. Фактически — он только что снял с себя мантию педагога, оставшись просто мужчиной, который берет то, что хочет. Оля смотрела на его широкие плечи, на то, как безупречно сидит костюм, скрывая силу, и понимала, что попалась. По всем законам биологии жертва всегда чувствует момент, когда охотник перестает играть и смыкает челюсти. Страх боролся в ней с диким, первобытным любопытством. Кабинет, пахнувший властью и озоном, вдруг показался ей самой безопасной комнатой в колледже. — Поняла, Владимир Владимирович, — тихо отозвалась она. — Хорошо, — кивнул он и направился к двери. — И смени блузку завтра. Эта слишком белая. Напоминает мне прозекторскую. А мы переходим к полевой практике. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком английского замка. Оля осталась одна. Она подошла к раскрытому окну, подставляя лицо холодным каплям. Губы горели и опухли, напоминая о границах дозволенного, которые рухнули ровно пятнадцать минут назад. Ее первая глава учебника закончилась. Вторая обещала быть гораздо более практической и совершенно бесстыдной. Дмитрий, бедрам и упал на щиколотки. Холодный воздух библиотеки коснулся обнаженной кожи. Оля зажмурилась, ожидая удара или грубости, готовясь включить свой внутренний скальпель и препарировать этот стыд. Но вместо этого язык Владимира прижался к ее шее, чуть ниже уха. Медленно, влажно, оставляя горячую дорожку соли. Он лизнул мочку уха и тихо выдохнул: — Скажи мне формулу рефрактерного периода, Ольга. Вопрос застал ее врасплох настолько, что инстинкты самосохранения отступили перед академической привычкой. — Время невозбудимости после оргазма зависит от уровня пролактина варьируется от двух минут до недели — прошептала она дрожащим голосом. — Умница, — похвалил он, и в ту же секунду два его пальца глубоко вошли в нее. Оля вскрикнула, подавившись собственным ответом, и вцепилась побелевшими пальцами в полку. Внутри все пульсировало, сжатое ледяным воздухом снаружи и его горячей рукой изнутри. Движения были медленными, растягивающими, методичными. Так хирург вправляет сложный вывих. Никакой спешки, только точный расчет давления. — Где ошибка в твоей курсовой? — снова спросил он, наращивая темп. Пальцы внутри сгибались, находя точку, при нажатии на которую ноги Оли едва не подкосились. Ей пришлось напрячь колени, чтобы не упасть лицом в пыльные корешки книг. — Я я написала, что женский отклик всегда линейно зависит от стимуляции эрогенных зон! — выпалила она, кусая губу до крови, лишь

бы не закричать в полный голос. — Ложь, — его вторая рука легла ей на горло, не сжимая, а просто фиксируя, напоминая о лезвии бритвы между контролем и насилием. — Отклик зависит от контекста. От того, насколько женщина чувствует себя в безопасности, даже когда стоит раком посреди библиотеки со спущенными трусами. Тебе страшно? — Да, — честно прохрипела она, толкаясь бедрами навстречу его руке вопреки собственному разуму. Разум требовал прекратить это безумие, но внизу живота уже разгорался знакомый биохимический пожар. — Хорошо, — удовлетворенно рыкнул Владимир. — Страх делает чувствительность рецепторов в тысячу раз выше. Адреналин — лучший афродизиак для тех, кто умеет им управлять. Он ускорил движения, вбиваясь в нее пальцами в такт бешеному стуку ее сердца. Свободной рукой он задрал рукав ее водолазки и провел ногтями по внутренней стороне предплечья, вызывая волну мурашек. — Кончи для меня, используя правильную формулу, — прорычал он ей в спину. — Покажи мне свой высший балл. Это слово стало детонатором. Слово из их прошлой, нормальной жизни столкнулось с абсолютной грязью происходящего. Грань стерлась. Оля запрокинула голову, ударившись затылком о деревянную стойку, и мир взорвался белым шумом. Мышцы свело жестокой, сладкой судорогой, дыхание перехватило, и она повисла на руках, оглушенная силой собственного падения. Владимир удержал ее, прижав своим тяжелым телом к стеллажу, не давая соскользнуть на пол. Несколько секунд они стояли неподвижно, слушая только шум дождя за толстыми стенами западного крыла и ее затихающие всхлипы. Он медленно вынул руку. Достал из кармана пиджака белоснежный платок. Стер следы влаги с ее бедер — движение было почти заботливым, почти отеческим, что напугало Олю сильнее, чем недавняя жестокость. Затем он спокойно, деловито присел и поднял с пола ее кружевное белье. Аккуратно сложил его и убрал во внутренний карман своего пиджака. — Это залог, — пояснил он, приводя в порядок брюки и затягивая ремень. — Чтобы завтра на лекции по психологии привязанности ты думала не о теории Фрейда, а о том, как вернешься сюда вечером. Без белья. Он взял из ее ослабевших рук папку с курсовой, открыл титульный лист и поверх выведенного заголовка жирным красным маркером написал одно слово: «Неудовлетворительно». — Завтра продолжим, — сказал он, возвращая папку. — Практическая часть тянет максимум на тройку. У тебя совершенно расшатана нервная система. Будем лечить. Он развернулся и пошел в сторону выхода из «Мавзолея», оставив Олю стоять в проходе между стеллажами. Колени дрожали, между ног саднило, а голова была пустой и звенящей. Она медленно подтянула юбку, поправила съехавший набок воротник водолазки и Дмитрий, провела языком по прокушенной губе. Впервые в жизни анатомия дала сбой. Формулы больше не работали. Оставалось только ждать вечера.

Глава 3. Библиотека редких изданий

Западное крыло колледжа называли «Мавзолеем». Сюда ссылали ветхие фолианты, морально устаревшие учебные пособия и студентов, чьи оценки стремились к отрицательным значениям. Воздух здесь пах пылью, пожелтевшей бумагой и сухим клеем. Свет падал только от настольных ламп, создавая в бесконечных рядах стеллажей густой, почти осязаемый полумрак. Оля стояла у четвертого ряда третьего стеллажа, прижимая к груди свою папку с курсовой. На ней была темно-синяя водолазка из тонкой шерсти — максимально закрытая, но подчеркивающая каждый изгиб тела. Она сделала это неосознанно, просто утром посмотрела в зеркало и впервые за полтора года студенчества захотела выглядеть не умной, а желанной. И сейчас отчаянно жалела об этом. В холоде библиотеки ткань казалась слишком тонкой, почти прозрачной. Владимир Владимирович появился бесшумно. Он умел ходить по скрипучему паркету так, что его дорогие кожаные туфли не издавали ни звука. — Боишься? — спросил он вместо приветствия. Его голос в гулкой тишине книгохранилища прозвучал как выстрел. — Здесь нет камер наблюдения, Владимир Владимирович, — ответила Оля, стараясь звучать ровно. — Если вы решили меня отчислить за аморальное поведение на территории колледжа, свидетелей не будет. Это удачная локация для преступления. Он медленно обошел ее по кругу, словно хищник, оценивающий добычу перед броском. — Преступления совершают те, кто нарушает закон, — произнес он, останавливаясь прямо за ее спиной. От его близости волосы на затылке встали дыбом. — А мы будем нарушать твои личные границы. Это называется терапией. Наклонись. — Что? — Наклонись вперед и положи ладони на третью полку снизу. Уровень твоего таза идеально совпадет с торцом стеллажа. Анатомически безупречная поза для лекции о доверии. Сердце Оли ухнуло куда-то вниз. Это было уже не просто нарушение субординации. Это был открытый акт доминирования. Каждая клетка ее мозга кричала о том, что нужно развернуться, бросить ему в лицо эту дурацкую курсовую и уйти. Но тело тело предало ее первым. Ноги сами согнулись в коленях. Она оперлась ладонями о гладкое дерево полки. Старый дуб оказался ледяным. Позиция была до ужаса неудобной: спина выгнута, юбка строгого кроя натянулась, обнажая бедра гораздо выше дозволенного. Она чувствовала себя абсолютно беззащитной. Любой, кто прошел бы мимо прохода, увидел бы сейчас студентку Владимировну в самой недвусмысленной позе. — Хороший песик слушается сразу, — констатировал Владимир Владимирович, и Оля услышала звук расстегиваемой пряжки. Щелкнула кожа ремня. Затем тихий шелест ткани. — Вы же не собираетесь — начала она, пытаясь обернуться, но тяжелая ладонь легла ей между лопаток, припечатывая к полке. — Собираюсь, — отрезал он. — Ты хочешь понять психологию любви? Начнем с базового инстинкта. Инстинкт избегания боли и стремление к поощрению. Твоя проблема, Оля, в том, что ты привыкла получать поощрение за мозги. Сейчас твой мозг отключен. Работает только позвоночник. Его рука опустилась ниже. Первое касание было легким, почти невесомым — кончиками пальцев по внутренней стороне бедра, там, где заканчивался чулок. Оля судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. — Дыши, — приказал он. — Глубоко. Оксигенируй кровь. Когда человек боится, мышцы малого таза спазмируются. Ты никогда не почувствуешь ничего, кроме трения, если будешь дышать верхней частью легких. Оля заставила себя сделать глубокий вдох. Диафрагма пошла вниз, живот коснулся холодного дерева. Рука Владимира переместилась выше, властно раздвинув края юбки. Ладонь накрыла ягодицу через тонкую ткань трусиков-шортиков. Сжала сильно, жестко, утверждая право собственности. — Двадцать лет назад этот колледж был семинаристским училищем, — его голос стал низким, гипнотическим, он говорил прямо ей в макушку, пока его пальцы исследовали рельеф под тканью. — За хранение запрещенной литературы послушников пороли розгами. Публично. Чтобы закрепить ассоциативную связь: знание равно уязвимость. Мы пойдем более гуманным путем. Пальцы

поддели резинку белья и резко потянули его вниз. Тонкий шелк скользнул по бедрам и упал на щиколотки. Холодный воздух библиотеки коснулся обнаженной кожи. Оля зажмурилась, ожидая удара или грубости, готовясь включить свой внутренний скальпель и препарировать этот стыд. Но вместо этого язык Владимира прижался к ее шее, чуть ниже уха. Медленно, влажно, оставляя горячую дорожку соли. Он лизнул мочку уха и тихо выдохнул: — Скажи мне формулу рефрактерного периода, Ольга. Вопрос застал ее врасплох настолько, что инстинкты самосохранения отступили перед академической привычкой. — Время невозбудимости после оргазма зависит от уровня пролактина варьируется от двух минут до недели — прошептала она дрожащим голосом. — Умница, — похвалил он, и в ту же секунду два его пальца глубоко вошли в нее. Оля вскрикнула, подавившись собственным ответом, и вцепилась побелевшими пальцами в полку. Внутри все пульсировало, сжатое ледяным воздухом снаружи и его горячей рукой изнутри. Движения были медленными, растягивающими, методичными. Так хирург вправляет сложный вывих. Никакой спешки, только точный расчет давления. — Где ошибка в твоей курсовой? — снова спросил он, наращивая темп. Пальцы внутри сгибались, находя точку, при нажатии на которую ноги Оли едва не подкосились. Ей пришлось напрячь колени, чтобы не упасть лицом в пыльные корешки книг. — Я я написала, что женский отклик всегда линейно зависит от стимуляции эрогенных зон! — выпалила она, кусая губу до крови, лишь бы не закричать в полный голос. — Ложь, — его вторая рука легла ей на горло, не сжимая, а просто фиксируя, напоминая о лезвии бритвы между контролем и насилием. — Отклик зависит от контекста. От того, насколько женщина чувствует себя в безопасности, даже когда стоит раком посреди библиотеки со спущенными трусами. Тебе страшно? — Да, — честно прохрипела она, толкаясь бедрами навстречу его руке вопреки собственному разуму. Разум требовал прекратить это безумие, но внизу живота уже разгорался знакомый биохимический пожар. — Хорошо, — удовлетворенно рыкнул Владимир. — Страх делает чувствительность рецепторов в тысячу раз выше. Адреналин — лучший афродизиак для тех, кто умеет им управлять. Он ускорил движения, вбиваясь в нее пальцами в такт бешеному стуку ее сердца. Свободной рукой он задрал рукав ее водолазки и провел ногтями по внутренней стороне предплечья, вызывая волну мурашек. — Кончи для меня, используя правильную формулу, — прорычал он ей в спину. — Покажи мне свой высший балл. Это слово стало детонатором. Слово из их прошлой, нормальной жизни столкнулось с абсолютной грязью происходящего. Грань стерлась. Оля запрокинула голову, ударившись затылком о деревянную стойку, и мир взорвался белым шумом. Мышцы свело жестокой, сладкой судорогой, дыхание перехватило, и она повисла на руках, оглушенная силой собственного падения. Владимир удержал ее, прижав своим тяжелым телом к стеллажу, не давая соскользнуть на пол. Несколько секунд они стояли неподвижно, слушая только шум дождя за толстыми стенами западного крыла и ее затихающие всхлипы. Он медленно вынул руку. Достал из кармана пиджака белоснежный платок. Стер следы влаги с ее бедер — движение было почти заботливым, почти отеческим, что напугало Олю сильнее, чем недавняя жестокость. Затем он спокойно, деловито присел и поднял с пола ее кружевное белье. Аккуратно сложил его и убрал во внутренний карман своего пиджака. — Это залог, — пояснил он, приводя в порядок брюки и затягивая ремень. — Чтобы завтра на лекции по психологии привязанности ты думала не о теории Фрейда, а о том, как вернешься сюда вечером. Без белья. Он взял из ее ослабевших рук папку с курсовой, открыл титульный лист и поверх выведенного заголовка жирным красным маркером написал одно слово: «Неудовлетворительно». — Завтра продолжим, — сказал он, возвращая папку. — Практическая часть тянет максимум на тройку. У тебя совершенно расшатана нервная система. Будем лечить. Он развернулся и пошел в сторону выхода из «Мавзолея», оставив Олю стоять в проходе между стеллажами. Колени дрожали, между ног саднило, а голова была пустой и звенящей. Она медленно подтянула юбку, поправила съехавший набок воротник водолазки и Дмитрий, провела языком по прокушенной

губе. Впервые в жизни анатомия дала сбой. Формулы больше не работали. Оставалось только ждать вечера.

Глава 4. Теория привязанности

Лекционная аудитория номер двести один гудела, как растревоженный улей. Двести пар глаз следили за тем, как Оля Владимировна пробирается к своему месту на галерке. Она чувствовала себя голой, хотя на ней было плотное твидовое платье и новые колготки. Точнее — отсутствие одного важного элемента гардероба под этим платьем делало ее кожу электрически чувствительной. Каждое движение бедер напоминало о вчерашнем вечере в «Мавзолее». Кружевной трофеей Владимира Владимировича лежал в кармане его пиджака прямо сейчас, пока он стоял у кафедры с лазерной указкой. — Добрый день, группа, — его голос разлился по залу густым бархатом. — Тема сегодняшней лекции: «Эмоциональная зависимость как эволюционный механизм выживания вида». Кто напомним нам базовую триаду формирования привязанности? Вверх взметнулся лес рук. Студенты первого курса всегда рвутся отвечать очевидные вещи, чтобы заработать баллы автоматом. Владимир Владимирович скользнул взглядом по первым рядам, проигнорировал тянущуюся руку старосты группы и посмотрел прямо вверх, на галерку. Его взгляд нашел Олю мгновенно, словно между ними была натянута невидимая леска. — Ольга? — произнес он. — Просветите нас. Какова роль дофаминовой системы в формировании патологической тяги к объекту? По аудитории прошелестел смехок. Оля встала. Ноги были ватными. Под плотной тканью платья кожа горела от каждого сквозняка. — Формирование привязанности — начала она, стараясь смотреть чуть выше его левого плеча, на схему лимбической системы на проекторе. — Обусловлено выбросом нейромедиаторов при положительном подкреплении. Дофамин отвечает за предвкушение награды — Достаточно биохимии, — мягко перебил он. — Это курс физиологии. Мы говорим о психологии. Вы когда-нибудь скучали по кому-то так сильно, что физическая боль в груди мешала дышать, Оля? Или для вас любовь — это просто удачно сбалансированный уровень серотонина? Он спустился со сцены и медленно пошел вдоль рядов, приближаясь к лестнице наверх. Он шел не ради того, чтобы проверить знания. Он шел охотиться. Двадцать метров разделяли их, но Оле казалось, что пространство схлопывается. — Скучать — неэффективно с точки зрения траты калорий, — выдавила она из себя старую защитную мантру. — Эволюционно целесообразнее найти новый источник ресурса. Владимир Владимирович остановился тремя ступенями ниже нее. Теперь ему приходилось смотреть на нее снизу вверх, и этот ракурс делал ситуацию еще более интимной. — Ресурса, — повторил он задумчиво. — Значит, я для тебя — ресурс? Учебный грант? Повышенная стипендия? Он поставил ногу на следующую ступеньку. Расстояние сократилось. Оля инстинктивно сделала полшага назад, упершись спиной в холодный пластик подоконника. Пути к отступлению не было. — Да, — солгала она. Горло пересохло. — Объект исследования. — Ложь, — тихо сказал он. — Вчера вечером в библиотеке ваш гипоталамус выделил столько окситоцина от одного прикосновения моих пальцев, что вы забыли собственное имя. Ваша хваленая кора головного мозга отключилась первой. Кто отключился второй, Оля? Он преодолел последние ступени и оказался вплотную. От него пахло утренним кофе и дорогим табаком. Этот запах забил нос, лишая способности мыслить логически. Аудитория затихла настолько, что был слышен гул проектора. — Третья пара длится полтора часа, — прошептал Владимир Владимирович так, чтобы слышала только она. — Полтора часа теории привязанности. Я хочу, чтобы ты конспектировала ее всем телом. Его правая рука легла на спинку стула перед Олей, заключая ее в ловушку. Левая ладонь опустилась ей на бедро, скрытое от взглядов остальных студентов широкой столешницей парты. Сверху, со стороны лекционного зала, они выглядели как преподаватель, задающий личный вопрос студентке. Только Оля знала, что пальцы Владимира уже нашли край ее чулка и ползут выше, под свободный подол платья. — Записывай, — громко сказал он, возвращаясь к роли лектора, и тут же снова перешел на шепот, обжигая ухо дыханием: — Первое правило зависимости: потеря контроля приносит высшее наслаждение.

ние. Расслабь колени. Оля вцепилась пальцами в край деревянной парты. Ее глаза расширились от ужаса и предательского возбуждения. Владимир методично, сантиметр за сантиметром стягивал вниз ее новые колготки. Тонкая ткань зацепилась за влажную кожу, вызывая дрожь. — Когда примат видит доминирующего самца, его мозг приказывает телу замереть, — вещал Владимир Владимирович для аудитории, постукивая указкой по графику на экране. — Но если контакт тактильный — его палец коснулся обнаженной кожи над краем чулка, заставив Олю судорожно втянуть воздух, — включается протокол подчинения. Где твой скальпель, анатом? Почему ты не препарировешь то, что я делаю с твоими капиллярами? — Я я не могу — выдохнула она, глядя на него умоляюще. — Можешь, — отрезал он. — Ты просто никогда не позволяла себе потерять равновесие. Открой свою сумку. Достань ручку. Движения давались с трудом, сквозь звон в ушах. Пальцы не слушались. Она достала шариковую ручку, держа ее дрожащей рукой. — Хорошо, — кивнул Владимир. Его рука переместилась вперед. Жесткая ладонь накрыла лобок поверх тонкой ткани трусиков. — А теперь пиши. На внутренней стороне бедра. Свою главную формулу. Ту самую, про линейную зависимость оргазма от стимуляции эрогенных зон. Давай. Докажи мне, что твоя теория работает. Краска стыда залила лицо, шею и грудь. Если кто-то из двухсот студентов обернется или сменит угол зрения, он увидит преподавателя, лапающего первокурсницу. Увидит ручку в ее руке, направленной куда-то вниз, под парту. Это был конец учебы, конец репутации, возможно — уголовное дело. Но страх лишь обострял ощущения. Капилляры действительно пульсировали под кожей. Каждая нервная клетка превратилась в оголенный провод. Она зажмурилась, пытаясь сконцентрироваться. Холодный пластик ручки коснулся нежной кожи внутренней поверхности бедра. «Стимуляция + допамин = отклик», — вывела она кривые, пляшущие буквы. Чернила плохо ложились на кожу, оставляя бледный синеватый след. Владимир усмехнулся ей в шею. — Неправильно. Забыла главный коэффициент. Страх. И влажность. Его средний палец нырнул под тонкую полоску белья, легко преодолевая сопротивление возбужденных мышц, и погрузился внутрь. Глубоко, сразу до костяшек. Оля дернулась, ручка выскользнула из ослабевших пальцев и со стуком упала на паркет. По аудитории прокатился звук, но никто даже не повернул головы — все увлеченно строчили конспекты под монотонный голос профессора. — Подними, — приказал Владимир, начиная медленное, ритмичное движение внутри нее. Палец сгибался, массируя ту самую точку, которая превращала теорию в жидкий огонь. — Медленно. Не привлекай внимания. Оля нагнулась, опираясь локтем о колено, чтобы скрыть лицо волосами. Мир перевернулся. Она видела ряды ботинок сокурсников внизу, а сверху нависал Владимир, продолжающий читать лекцию о механизмах социального сдерживания, пока его рука трахала ее методично, профессионально, разрушая всю ее научную картину мира. — Природа создала стыд, чтобы ограничить размножение слабых особей, — говорил он, глядя поверх голов студентов на экран. — Но мы с вами давно вышли за пределы чистой биологии. Мы — венец творения. И наша главная эрогенная зона находится здесь — он свободной рукой постучал себя пальцем по виску, а затем резко добавил шепотом: — а вторая — вот здесь. Чувствуешь? Он добавил второй палец. Растяжение было болезненным, обжигающим. Оля закусил губу так сильно, что почувствовала во рту металлический привкус крови, чтобы не застонать в голос. Ее бедра мелко дрожали, встречая каждое движение его руки. — Ты моя лучшая ученица, Оля, — прошептал он, ускоряя темп. — Самая способная. Покажи мне свой пик. Прямо сейчас. Тихо. Аккуратно. Чтобы твои подружки впереди ничего не заподозрили. Мир рассыпался на пиксели. Вагина сжалась вокруг его пальцев в жестокой, молчаливой судороге. Теплая волна ударила в голову, ноги подкосились, и она осела бы на пол, если бы Владимир не удержал ее за талию второй рукой, крепко впечатав в свое бедро. На несколько секунд она выпала из реальности. Очнувшись от звука собственного прерывистого дыхания. Владимир уже убрал руку, спокойно поправляя манжет своей рубашки. Между ее ног пульсировало липкое тепло. Он протянул ей чистый платок. — Приведи себя в порядок. Колготки можешь оставить здесь, они

тебе больше не понадобятся. Прозвеневший звонок показался Оле звуком трубы архангела. Студенты начали шумно собирать вещи. Владимир Владимирович отошел от ее парты, стер что-то с доски и обратился ко всему потоку: — На семинар жду докладов о влиянии кортизола на либидо. Свободны. Аудитория пришла в движение, люди потянулись к выходу. Оля сидела неподвижно, сжимая в мокрой ладони платок, пахнувший его одеколоном. Владимир наклонился к ней в последний раз, когда мимо них проходила последняя группка хихикающих девчонок. — Сегодня ночью формула будет другой, — тихо сказал он. — Анатомия требует наглядности. Купи по дороге домой бутылку хорошего оливкового масла. Экстра вирджин. Встречаемся в моем кабинете. В десять. Код на двери прежний. Он выпрямился, перекинул через плечо кожаную сумку и вышел из аудитории уверенной походкой человека, который только что безупречно прочитал лучшую лекцию в семестре.

Глава 5. Кабинетная практика

Ровно в 21:50 Оля стояла перед тяжелой дубовой дверью преподавательского корпуса. Кодовый замок тускло поблескивал в свете дежурной лампы. Пальцы, сжимающие бумажный пакет из дорогого гастронома, вспотели. Бутылка оливкового масла холодного отжима оттягивала сумку так, словно внутри была ртуть. Она ввела цифры — день ее рождения и месяц его. Замок щелкнул, впуская ее в пахнувший озоном и одиночеством коридор. Дверь кабинета Владимира Владимировича была приоткрыта ровно на десять сантиметров. Ни звука изнутри. Это было хуже любого крика — эта абсолютная уверенность в том, что она придет. Он даже не сомневался, просто оставил дверь открытой для своей собственности. Оля толкнула створку плечом. Кабинет преобразился. Исчезли стопки студенческих работ с подоконника, пропал графин с водой. Теперь это напоминало стерильную лабораторию или зал для допросов. Единственный источник света — массивная настольная лампа с зеленым абажуром — бил узким лучом прямо в центр кожаного дивана. Остальная часть комнаты тонула во мраке. Владимир Владимирович сидел за своим столом, спиной к двери. В полумраке он казался еще монументальнее. Перед ним стоял пустой бокал для коньяка и открытый ноутбук, экран которого отбрасывал мертвенно-голубой свет на его профиль. Он не обернулся на звук ее шагов. — Ты опоздала на две минуты, — произнес он, продолжая смотреть в монитор. — И принесла масло. Я просил тебя прийти без белья. Про трусы ты помнила, а про время — нет. Дисциплина хромает. — На дорогах пробки — начала оправдываться Оля, но осеклась. Любое оправдание ставило их в позицию «начальник — подчиненный», где она могла защищаться. А Владимир требовал капитуляции. — Поставь пакет на пол, — приказал он. — Подойди к столу. Оля подчинилась. Каблуки ее туфель стучали по паркету слишком громко, выдавая нервную дрожь. Она остановилась в метре от стола, не решаясь подойти ближе. Платье, которое казалось ей утром элегантным, сейчас ощущалось как дешевый мешок. Владимир наконец закрыл крышку ноутбука. Медленно повернул кресло. В зеленом свете лампы его лицо выглядело хищным, лишенным всякой человеческой теплоты. Глаза цвета мокрого асфальта сканировали ее сверху вниз, задерживаясь на вырезе платья. — Анатомия любви начинается с доверия, Ольга, — сказал он, расстегивая манжет рубашки и закатывая рукав до локтя. — Доверие строится на честности. Ложь вызывает спазм гладкой мускулатуры. Твое тело лгало мне весь семестр. Мы будем лечить ложь болью. Сядь на край стола. Дерево оказалось холодным даже через ткань платья. Оля села, инстинктивно сдвинув колени. — Раздвинь, — голос Владимира стал тише, глубже. Она медленно развела ноги. Узкая юбка задралась, обнажая бедра. Он встал. Его движения были плавными, почти ленивыми, но в этой медлительности скрывалась пугающая неотвратимость. Он обошел стол и остановился между ее коленями. От него пахло тем самым одеколоном, который теперь навсегда ассоциировался у нее с липким страхом и влажным возбуждением. Его руки легли на ее плечи. Большие пальцы мягко коснулись сонных артерий, проверяя пульс. Сто двадцать ударов в минуту. — Адреналин зашкаливает, — констатировал он. — Кора головного мозга отключается первой. Сейчас мы проверим, насколько хорошо работает твоя лимбическая система. Одной рукой он взял бутылку масла из пакета, лежащего у ее ног. Щелчок открываемой пробки прозвучал в тишине кабинета как выстрел стартового пистолета. Резкий, травянистый запах заполнил пространство. Владимир вылил густую золотистую струю себе на ладони. Холодное стекло бутылки случайно коснулось внутренней стороны ее бедра, заставив Олю вздрогнуть. — Температурный контраст стимулирует терморецепторы, — пояснил он деловито, растирая масло между ладонями, пока они не стали горячими. — Но психология страсти требует другого стимула. Боли. Не сильной. Достаточно дискомфорта, чтобы мозг переключился из режима анализа в режим выживания. Его теплые, скользкие ладони легли на ее икры. — Сними их, — кивнул он на ее туфли. Оля послушно сбросила обувь. Ноги

касались холодного паркета, кожа Дмитрий, [17.07.2026 21:58] покрылась мурашками. Владимир начал массаж. Сначала это было похоже на обычную физиотерапию. Жесткие, уверенные движения профессионала, разминающего забитые мышцы. Он работал молча, методично поднимаясь выше — от щиколоток к коленям, затем к внутренней поверхности бедер. Скользкое масло быстро нагрелось от трения кожи о кожу. Оля откинула голову назад, упираясь затылком в столешницу. Зеленый свет лампы слепил глаза. Каждое движение его пальцев вызывало волну жара внизу живота. — Где ошибка в твоей курсовой? — спросил он внезапно, его голос звучал глухо, потому что он наклонился ниже, массируя сгиб под коленом. — Ты написала, что боль блокирует возбуждение. Активация ноцицепторов подавляет парасимпатическую нервную систему. — Да — выдохнула она, чувствуя, как предательски намокают складки между ног от этих совершенно медицинских прикосновений. — Это базовая реакция — Базовая реакция дилетанта, — отрезал Владимир. Его правая рука оставила бедро и переместилась вперед. Ладонь накрыла лобок поверх тонкой ткани платья, жестко надавливая. Масло сделало кожу скользкой, ощущения — невыносимо острыми. — Боль не исключает страсть. Она меняет ее химический состав. Страх смерти делает оргазм ярче в геометрической прогрессии. Разве формула серотонина об этом говорит? Пальцы сжались сильнее, причиняя тупую, сладкую боль. Оля выгнулась дугой, вжимаясь тазом в жесткую кромку стола. — Нет — простонала она. — Именно, — прошипел он. Внезапно его хватка изменилась. Владимир перехватил ее правую руку, завел за спину и резко дернул вверх. Сустав плеча протестующе хрустнул. Вторая рука зафиксировала ее запястье. Оля оказалась распята на столе: одна рука выкручена назад так, что грудь выпятилась вперед, ноги беспомощно свисали, не доставая пола, а холодный край столешницы врезался в промежность. — Психология власти проста, Оля, — его губы оказались у самого ее уха, горячее дыхание смешивалось с запахом мяты. — Нужно забрать у человека возможность контролировать свои конечности. Когда ты не можешь закрыться, тебе приходится открыться душой. Свободной левой рукой он рванул воротник платья. Тонкая шерсть затрещала, пуговицы посыпались на пол со звонким стуком. Лиф остался цел, но шея и ключицы обнажились. Владимир плеснул остатки масла из бутылки прямо на ее грудь. Холодная жидкость мгновенно пропитала кружево лифчика, потекла по животу тяжелыми каплями. — Температура скольжения критически важна для снижения микротравматизации тканей, — пробормотал он, наклоняясь. Его язык прошелся по ключице, собирая соленое масло. Зубы слегка прихватили нежную кожу шеи — не больно, но достаточно чувствительно, чтобы напомнить о его челюстях. — Скажи стоп-слово, — потребовал он, выпрямляясь и глядя ей в глаза. Его зрачки расширились, поглотив почти всю радужку. — У нас нет стоп-слова, — прохрипела Оля, понимая всю глубину своего падения. Она сама только что подписала бессрочный контракт на собственное уничтожение. — Будет, — ухмыльнулся Владимир. — «Анатомия». Если скажешь это слово, я остановлюсь. Проверим силу твоего самоконтроля. Он отпустил ее заведенную руку — та повисла плетью — и обеими руками с силой раздвинул полы разорванного платья. Ткань разошлась до самого низа. Затем он схватил ее за бедра и просто дернул на себя. Оля соскользнула со стола, оказавшись стоящей на полу между его широко расставленных ног. Край столешницы теперь давил на поясницу, удерживая ее в наклонном положении. Владимир смотрел на нее сверху вниз. На ее смятое платье, на блестящую от масла кожу, на панику в глазах. — Экзамен пересдан, — тихо сказал он. — Оценка — отлично. Его ладони легли ей на ягодицы, сжали их, разводя в стороны. Оля зажмурилась, ожидая продолжения анатомического урока, зная, что после сегодняшней ночи никакой скальпель больше никогда не защитит ее сердце от того, что этот мужчина собирался с ней сделать. Дмитрий, [17.07.2026 21:59] Глава 5. Точка невозврата Пространство кабинета сжалось до размеров письменного стола из красного дерева и квадрата света от зеленой лампы. Оля стояла, опираясь на него ладонями, чувствуя лопатками холодный угол столешницы. Спина выгнута, разорванное платье бесформенной тряпкой висело на плечах, а ноги дрожали от смеси ледяного страха и жид-

кого, тягучего жара внизу живота. Владимир Владимирович не торопился. Он сидел в своем кожаном кресле, которое теперь казалось тронem, и просто смотрел на нее. В полумраке его глаза казались абсолютно черными. Он снял пиджак, узел галстука был ослаблен, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, обнажая ключицы с легкой сединой волос. От него пахло властью, дорогим табаком и тем самым оливковым маслом, которым он только что превратил ее кожу в оголенный нерв. — Анатомия — это наука о мертвом теле, Ольга, — произнес он своим низким, вибрирующим голосом. — Ты можешь препарировать мышцу, найти начало и конец сухожилия, но ты никогда не поймешь, почему она сокращается по приказу мозга, который боится смерти. Страх парализует. Но если добавить к страху предвкушение получается идеальный коктейль для подчинения. Он медленно встал. Его движения были обманчиво расслабленными, но каждый шаг сокращал дистанцию между ними с неотвратимостью гильотины. — Какое стоп-слово мы выбрали? — спросил он, останавливаясь вплотную. Тепло его тела ощущалось сквозь одежду как физическое прикосновение. — А-анатомия, — выдохнула Оля, ненавидя себя за то, что уже запомнила этот протокол безопасности. Безопасности, которая была лишь иллюзией. — Умница, — его широкая ладонь легла ей на затылок, пальцы зарылись во влажные волосы, фиксируя голову. — Запомни: я всегда услышу. Даже если ты будешь кричать мое имя, я остановлюсь только на «анатомии». Это твой единственный парашют. Хочешь им воспользоваться сейчас? Оля зажмурилась и отрицательно мотнула головой. Сказать «нет» вслух у нее не хватило сил — горло перехватило спазмом желания. — Хорошо, — кивнул Владимир. — Тогда переходим к практическому закреплению материала. Сегодня мы изучаем психологию абсолютной уязвимости. Поза эмбриона — самая защищенная. Наша задача — сделать так, чтобы тебе было максимально больно и стыдно при полном физическом комфорте. Чтобы мозг сошел с ума от когнитивного диссонанса. Он толкнул ее бедром, заставляя опереться на стол грудью. Холодная кожа столешницы обожгла разгоряченные соски. Владимир рывком задрал остатки платья ей на спину. Лиф давно перестал быть преградой; грудь расплющилась по дереву, вызывая легкое головокружение от нехватки воздуха. — Раздвинь колени шире, — приказал он. — До мышечного отказа. Я хочу видеть каждую складку. Оля переступила ногами, расставляя их так широко, как позволяла анатомия тазобедренных суставов. Мышцы внутренней поверхности бедер горели огнем. Она почувствовала себя выставленным экспонатом в кунсткамере, где единственным посетителем был патологоанатом с очень холодными руками. Его ладони легли на ее ягодицы. Масло сделало кожу скользкой, почти неприлично блестящей в свете лампы. — Знаешь, чем отличается похоть от страсти? — прошептал он, наклоняясь ниже. Его губы коснулись позвоночника чуть выше копчика. — Похоть берет то, что лежит на поверхности. Страсть вскрывает защитный панцирь. Сейчас твое тело предает тебя, Оля. Оно течет от того, как над тобой доминируют. Твой клитор пульсирует в такт моему голосу. Проверь. Свободной правой рукой он провел вниз, между раскрытых бедер. Скользкие от масла пальцы легко нашли набухший, болезненно чувствительный бугорок. Легкое касание вызвало электрический разряд, ударивший прямо в солнечное сплетение. Оля дернулась вперед, врезавшись лбом в дерево, и тихо захныкала. — Вот видишь, — удовлетворенно хмыкнул Владимир, обводя кончиком пальца напряженное кольцо мышц позади. — Никакой лирики. Чистая физиология жертвы, принимающей хищника. Расслабься. Сопротивление сфинктера вызовет микроразрывы. Будет кровь. Тебе нужны проблемы со здоровьем перед зимней сессией? Это сработало лучше любого афродизиака. Упоминание крови, боли и возможной травмы перевело ее мозг из режима животного ужаса в режим клинического анализа. Если будет травма, значит, нужно снизить сопротивление, чтобы сохранить целостность тканей. Это же базовая логика выживания. Она сделала глубокий вдох, пытаясь сознательно расслабить мышцы пресса и таза. Владимир почувствовал перемену. Его палец, обильно смазанный остатками масла, начал медленное, методичное давление. Не вторжение — именно давление. Психологическая осада крепости. — Хорошая девочка, — пробормотал он. — Тео-

рия привязанности Боулби говорит, что младенец любит мать, потому что она причиняет боль при родах и кормлении, но всегда остается рядом. Мы воссоздаем эту первобытную связь. Я буду твоим единственным источником боли. И единственным утешением. Кольцо мышц поддалось внезапно, с мягким, влажным всасывающим звуком, который в тишине кабинета прозвучал оглушительно. Первый сустав вошел внутрь. У Оли потемнело в глазах. Это не было похоже ни на один учебник. Это было ощущение полной физической неправильности мира, смешанное с таким концентрированным унижением, что оно переросло в чистое, дистиллированное наслаждение. Слезы сами брызнули из глаз и покатались по щекам на красное дерево. — Тише, тише, — его левая рука переместилась вперед, накрывая ее лобок. Пальцы жестко надавили на клитор, задавая ритм встречного движения. — Дыши животом. Расширяй диафрагму. Принимай объем. Второй сустав. Боль стала тупой, заполняющей, вытесняющей все мысли кроме одной: «это происходит со мной». Столешница под ней стала влажной от сочащейся влаги и масла. Каждый толчок пальцев Владимира внутри нее сзади заставлял ее саму подаваться назад, насаживаясь глубже, ища этой невозможной, запретной наполненности. — Скажи мне формулу плотности нервных окончаний в этой зоне, — прохрипел он ей на ухо, наращивая темп. Его свободная рука удерживала ее за шею, перекрывая доступ кислорода ровно настолько, чтобы вызвать легкий звон в ушах. — Семь семь тысяч на квадратный сантиметр — выдавила Оля сквозь стиснутые зубы. — Неверно, — рыкнул Владимир, добавляя третий палец, растягивая ее до предела. — Там нет формул. Там есть только физика расширения. Чувствуешь, как рвется твоя карта мира? Он двигался в ней размеренно, глубоко, превращая акт абсолютного подчинения в точную механику. Оля больше не могла стоять на ногах. Колени подогнулись бы, если бы не край стола, на котором она лежала, принимая весь вес своего падения. Мир сузился до этого ритма: тяжелое дыхание мужчины за спиной, влажные звуки скольжения кожи о кожу и пульсация собственного сердца, готовая разнести грудную клетку. Волна оргазма поднималась не снизу вверх, как пишут в пособиях, а обрушивалась сверху вниз — от макушки к пяткам, вымывая из сознания последние остатки Ольги Владимировны, студентки-отличницы. Осталась только трепещущая плоть, принадлежащая ему безраздельно. Ее накрыло резко, конвульсивно. Мышцы влагалища и ануса свело жестокой, сладкой судорогой одновременно. Она закричала — глухо, уткнувшись лицом в сгиб локтя, чтобы не сорвать связки. Тело выгнулось дугой, едва не сбросив ее со стола. В тот момент, когда ее сознание начало гаснуть от переизбытка ощущений, Владимир сделал последний, самый глубокий толчок и замер. Она чувствовала горячую пульсацию его освобождения внутри себя — густую, заполняющую влагу, окончательно скрепляющую их грязный, порочный договор. Несколько секунд они стояли неподвижно, тяжело дыша. Затем он медленно вышел из нее. Звук был влажным, непристойным. Владимир спокойно достал из кармана брюк белоснежный платок. Стер масло и следы их близости с ее бедер, действуя деловито, словно медсестра. — Экстра вирджин оказалось хорошим выбором, — констатировал он, застегивая рубашку. — Смазывающие свойства отличные, аллергических реакций нет. Практическая часть зачтена. Он отошел к своему столу, плеснул в бокал воды из графина и залпом выпил. Оля осталась лежать на столе, опустошенная, липкая, с платьем, задранным на голову. Ноги отказывались держать. — Завтра суббота, — сказал он, не глядя на нее, перебирая бумаги. — Придешь сюда к девяти утра. Будем писать главу твоей курсовой про Стокгольмский синдром. Форма одежды — любая, главное, чтобы юбка легко поднималась. Свободна. Дверь кабинета закрылась за ней с тихим щелчком замка, оставив Олю одну в гулком коридоре преподавательского корпуса. На часах было половина одиннадцатого ночи. До начала новой главы оставалось десять с половиной часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.